

Триады Раппапорта / Rappaport's triads

текст

Пётр Капустин

Воронежский государственный
технический университет

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Триадическая схема организации представлений или знаний о чем-либо сложилась в высокой схоластике. Тезис/Антитезис/Синтезис (синтез) – «скелет» этой схемы. Тезисом утверждается нечто, антитезисом опровергается (и/или выдвигается иное суждение), синтезис объединяет обе противоположности, сглаживает противоречия, демонстрирует их единство (и борьбу). В диалектике Г.-В.-Ф. Гегеля учение о враждующих противоположностях, как известно, займет законное и почетное место. Но триадическая схема тем самым отнюдь не «снижается»: ее потенциал долго привлекает внимание мыслителей как в Новое время (казалось бы, покончившее со схоластикой как с «трудным путем»), так и в дальнейшей истории мысли.

В архитектуре, а точнее – в области рефлексивного осознания архитектуры как феномена и попыток теоретического осмысления его, триадическая схема проявилась (в известной нам документированной истории) в трактате Марка Поллиона Витрувия, во второй половине I века до н. э. Здесь, задолго до схоластики (т. е. рафинированной и отточенной до совершенства школы публичного диспута) нет борьбы противоположностей, как нет и примиряющего синтеза. Витрувий использует т. н. суммативную (аддитивную) схему: он собирает в одном суждении то, что представляется ему необходимым и достаточным для описания сущности архитектуры, а (тем самым) и мастерства архитектора.

Триады в творчестве
Раппапорта

Александр Раппапорт резко критически относится как к са-мой фигуре Витрувия, считая его трактат конъюнктурой компиляцией, направленной лишь на по-

дается история и описание триадической системы организации представлений. Подчеркивается значение принципа триады для мышления Раппапорта. Характеризуются триады в его теории архитектуры.

Ключевые слова: Витрувий; триадическое мышление; онтология; феноменология; среда; норма.

The article presents history and description of the triadic system of vision organization. The author emphasizes the importance of the triad principle for Rappaport's thinking. He characterizes the triads in his theory of architecture.

Keywords: Vitruvius; triadic thinking; ontology; phenomenology; environment; norm.

лучение пенсии от императора Августа (досужему чтению которого трактат и посвящен), так и к триаде Витрувия, в частности, указывая, что она не отражает сути архитектуры. Но саму триадическую схему он принимает и активно использует.

В генезисе своего научного творчества Раппапорт выдвинул множество значимых суждений, организованных триадически. Триады стали воистину его «фирменным знаком». При этом он пишет: «Я не состою в академии тринитаризма, но стал-киваться с триадами или устанавливать триады в архитектуре приходится буквально на каждом шагу» [1]. Раппапорт, осмысляя сам принцип триадического мышления, называет треугольник плоской пирамидой и утверждает, что «триада обладает, как и пирамида, максимальной устойчивостью, ее трудно повернуть» [2].

Отчасти всякая триада – дань традиции, игровое (и «игровое») согласие на формулировку новых идей в рамках определенных правил. Но она также имеет и онтологическое значение: всякая триада, невольно заимствуя древнюю магию, предвещает «мир», «реальность» (очередную действительность, ею же и продуцируемую) и даже «деятельность» – в особом, лишь ей свойственном свете – как новую и специализированную картину мира и его «объектов». Тем самым всякая архитектурная триада предполагает свое видение реальности и востребует собственную стратегию действий. Всякая триада есть Проект.

Морфология, символика,
феноменология

Это наиболее известная триада А. Г. Раппапорта, используемая настолько широко, что авторство ее уже стало неочевидно для пользующихся ею адептов. Но при этом ее содержание перешло в разряд «очевидных» онтологических

сущностей. Такова судьба удачных концептов: из средств организации наличного материала они переходят в ранг структур самого мироустройства (достаточно вспомнить «Метафизику» Аристотеля); термин возник всего лишь благодаря размещению соответствующих текстов библиофилом и философом Андроником Родосским...

Такова и история триады «морфология, символика, феноменология». А. Г. Раппапорт, вводя ее развернутое изложение в своей докторской диссертации (2006) [3, 4], изначально имел в виду лишь вопиющую разницу в объеме известных текстов об архитектуре. Ведь о морфологии архитектуры написаны тонны всевозможных текстов, включая технические описания, чертежи, обмеры и пр. Символике архитектуры посвящено существенно меньше статей и книг, преимущественно за гранью доминирующего архитектурного дискурса (хотя тенденция к ассимиляции этого корпуса текстов архитектурным знанием сегодня становится заметна). А тексты, освещающие феноменологию архитектурного восприятия и творчества, и во все пребывают в дефиците даже и сегодня.

В наши дни архитектурная вузовская наука легко и непринужденно трактует данную триаду Раппапорта в качестве «аспектов организации архитектурного пространства/формы»; «трех уровней восприятия объекта», определяющих архитектурское формообразование; «трех категорий понимания архитектурной формы» et cetera – то есть трактует преимущественно в онтологическом, психологическом и типологическом аспектах. Стоит ли говорить о том, что все эти трактовки далеки как от изначального импульса различения трех указанных категорий, так и от структуры и смысла последующих триад автора. Но идеи живут своей

жизнью, неподвластной породившему их авторскому сознанию, и Александр Гербертович против новых интерпретаций не возражал.

Стиль, среда, смысл

Гораздо более трудной для конъюнктурных трактовок является следующая по генезису триада, выдвинутая Александром Гербертовичем – три «С»: Стиль, Среда, Смысл. В отличие от рассмотренной выше (морфология, символика, феноменология) эта и последующие триады автора мало знакомы архитектурной публике и, соответственно, получили меньшее распространение. К последнему еще неясно как стоит относиться: как к отступлению фактора профанации, столь свойственной вузовской науке (а именно она, наряду с органами критики и информации, де-факто вымершие в 1990–2000-е годы, во время появления обсуждаемой триады) ответственна за распространение идей и теорий в профессиональном сообществе или же как к досадной нечувствительности, если не сказать атрофии органов концептуального реагирования профессионалов в указанные годы.

Между тем А. Г. Раппапорт критикует и проблематизирует известные теоретические формулировки; некоторые из них (в силу традиционного равнения на Витрувия) также имеют форму триад. Таковы «наука-искусство-ремесло», восходящие к просвещенческой образовательной модели, к первым академиям. «Функция-конструкция-форма» (вариант – «функция-конструкция-материал») – триада, корни которой с очевидностью лежат в 1920–1930-х годах, в манифестах конструктивистов и функционалистов. В сочинениях архитектурных теоретиков эпохи развитого социализма эта триада получила догматический привкус, являясь, по сути, одним из инструментов индустриально-бюрократической организации профессии – массовой подготовки кадров, оценки и критики. В подобных формулировках перед нами предстают некие «поточные станы», в деловитом грохоте которых осуществляется синтез соответствующей архитектуры.

Триада «стиль, среда, смысл» ломает производственную логику (логику поставки, по М. Хайдеггеру). Если с идеей среды архитектурная

общественность как-то начала сживаться, а «смысл» становится популярным термином после критики модернистского языка и мышления (Р. Вентури, Ч. Дженкс, Ж. Бодрийяр и др.), то категория стиля выглядит здесь как провокация. И она ею является. Триада трех «С» направлена на активацию творческого воображения. Она содержит как минимум одно противоречие: стиль и среда трудно соотносятся между собой (мягко говоря), и сам А. Г. Раппапорт был первым, кто показал это. Да и процессы смыслообразования в среде и в восприятии стиля различны. Среда – «трепетная лань» архитектурно-проектного воображения, но-рвующая прорвать косные границы узкого профессионализма, а стиль больше обращает наше воображение к прошлым, «ставшим», давно остановившимся в развитии формам и ансамблям. Смысл же стремится... ускользнуть как от конструкций стиля, так и от вольницы среды; его не положишь как вещь на «монтажный стол» нового теоретического построения.

Перед нами «лебеде, рак и щука» архитектурного дискурса? Но в том и состоит провокативность этой триады: «стиль» здесь становится динамичным, приобретает проектный смысл: вся триада – это проект новой ориентации мышления и новой самоорганизации деятельности. Качество проектности будет характерно и для всех последующих триад Александра Раппапорта.

Масштаб, норма, субстанция

Около 2014 года в творчестве А. Г. Раппапорта появляется новая триада. «Триада МНС (масштаб-норма-субстанция) сама по себе таинственна, секретна и магична», – пишет автор [5]. Она еще глубже уходит в исследование скрытых структур, но это не структуры вещества или материализованной архитектуры как «вещи». Триады Раппапорта вообще далеки от натурализма, они обращены к структурам сознания и мышления архитектора, к тем категориям и понятиям, образам и метафорам, в которых осмысливается и замышляется архитектура.

Масштаб-норма-субстанция, пожалуй, наиболее «строгая» из триад Раппапорта. Во многом таковой ее делает категория нормы, которую (как и масштаб, и субстанцию) автор подробно обсуждал в статьях блога «Башня и лабиринт». Качество нормативности, указывает он, может переходить и на осталь-

ные компоненты триады, а субъективность масштаба, понимаемого как ценностная категория, уравнивает объективность нормы и субстанции. Субстанция же – значимая сегодня категория, противопоставляемая во многих работах автора пространству, увлечение которым он, как и вся архитектурная мысль, пережил в третьей четверти XX века. В триаде МНС субстанция предстает, скорее, субстанциальностью – способностью творческого сознания переживать телесность форм, материалов, потоков и процессов в вещах, готовность опознавать нормирующую силу субстанции, что, можно сказать, является современной актуализацией старинного представления о тектонике.

«Само движение проектного воображения в этих трех ориентациях, – пишет Александр Гербертович, – необходимо рассматривать в связи с системой желаний и ценностей (нормы) опыта и степени включенности (присутствия) проектировщика в ситуации (общность или дистанцированность ситуаций), равно как и субстанциальной чувствительности проектировщика, критика, жителя – которая может проявляться в разных временных масштабах по-разному» [5].

Проектный смысл этой триады – восстановление идентичности архитектурного мышления, осознание его ценности и автономии, несводимости его к перечням заимствованных свойств из иных, типологически более определенных типов мышления (научного, художественного, инженерного и пр.).

Куль, аристократия, ландшафт

Довольно неожиданная по составу триада складывается в работах автора к концу 2010-х годов, а ее компоненты обсуждаются несколько ранее. Триада культ-аристократия-ландшафт обязана своим происхождением работе над проблемой эзотерического содержания архитектурной традиции и его потенциала для новых конфигураций архитектурного мышления, деятельности, образования. «Куль» здесь – «культ самой архитектуры. Архитектура есть культовое искусство не потому, что она обслуживает культовую практику, хотя она, конечно, ее обслуживает. А потому, что в ней самой есть нечто, что принадлежит сфере культа и культовых практик» [6]. Тем самым А. Г. Раппапорт развивает одну из центральных идей своего

творчества – идею суверенности архитектурного мышления, миропорождающего значения Архитектуры (непременно пишущейся с заглавной буквы). «Аристократия» в триаде – это не служение элитам, но аристократизм самого архитектурного действия, его внутреннее достоинство, его «самость», которая должна пестоваться при работе с самыми разными задачами.

«Наконец, ландшафт, та тихая, несмоторная на все свои шорохи и журчания, громы и завывания, субстанция, всем нам тем и близкая, что на самом деле, в своей самопогруженности от нас далекая, как и входящее в нее небо. Парадокс ландшафта и его связи с архитектурой состоит в том, что, будучи бесконечно натуральнее и таинственнее всякой архитектуры, ландшафт нуждается в архитектуре и ждет ее. Архитектура нужна ландшафту как зеркальце красоте» [6]. Ландшафт в триаде понимается как контекст всякого архитектурного («культового») действия, как субстанциальное условие его уместности и как нормативный горизонт, уравнивающий в триаде интенции высокой креативной воли, нередко могущей быть равнодушной к местам и условиям своего развертывания.

Смысл Архитектуры

Раскрыть содержание и потенциал триадических построений А. Г. Раппапорта в небольшой статье, разумеется, невозможно; все они достойны фундаментальных академических трудов, им посвященных. Упомянутыми триадами их перечень не исчерпывается (например: имитация-критика-конструкция (креативность) и даже индивидуация-идиотизм-интерес, где под «идиотизмом» понимается особый настрой открытого к новому сознания). Среди триад Раппапорта есть и существенно более сложные для анализа, требующие внимательного и вдумчивого отношения. Они, подобно священному символу, вбирают в свою краткую формулировку многолетнюю напряженную интеллектуальную работу. К таким нельзя не отнести трехчастную структуру архитектуры: Повседневная архитектура/Архитектура как экстраординарный символ/Архитектура как «архэ» человека [1].

Александр Гербертович в поздний период своего творчества последовательно продвигает представление об Архитектуре как держательнице человеческого в человеке и мире. Это – высшее,

космическое предназначение Архитектуры: «Можно быть счастливым в любой чистой комнате. Но если отдельно взятому человеку архитектура не нужна, то человечество, лишенное Архитектуры, неизбежно погибнет», пишет автор в тексте «Смысл Архитектуры».

Литература

1. Раппапорт, А. Г. TA 749 Ещё одна триада. – URL: https://papardes.blogspot.com/2016/06/blog-post_26.html (дата обращения: 04.05.2025).
2. Раппапорт, А. Г. TA 601 Триады. – URL: <https://papardes.blogspot.com/2015/10/601.html> (дата обращения: 04.05.2025).
3. Раппапорт, А. Г. Концепции архитектурного пространства. – Москва: ЦНТИ по гражданскому строительству архитектуры, 1988. – 48 с.
4. Раппапорт, А. Г. Методологические проблемы исследования архитектурной формы // Раппапорт А. Г., Сомов Г. Ю. Форма в архитектуре. Проблемы теории и методологии. – Москва: Стройиздат, 1990. – С. 11–163.
5. Раппапорт, А. Г. TA 447 Масштаб-Норма-Субстанция. – URL: <https://papardes.blogspot.com/2014/09/447.html> (дата обращения: 04.05.2025).
6. Раппапорт, А. Г. TA 749 Три столпа. – URL: https://papardes.blogspot.com/2016/03/748_11.html?q=аристократия (дата обращения: 04.05.2025).

References

- Rappaport, A. G. (1988). Kontseptsii arkhitekturnogo prostranstva [Concepts of architectural space]. Moscow: Central Research Institute for Civil Engineering and Architecture.
- Rappaport, A. G. (1990). Metodologicheskie problemy issledovaniya arkhitekturnoi formy [Methodological problems of architectural form research]. In A. G. Rappaport, & G. Yu. Somov, *Form in architecture. Problems of theory and methodology* (pp. 11-163). Moscow: Stroyizdat Publ.
- Rappaport, A. G. (2014, September 22). TA 447. Masshtab-Norma-Substantsiya [Scale-Norm-Substance]. *Tower and Maze*. Retrieved April 5, 2025, from <https://papardes.blogspot.com/2014/09/447.html>
- Rappaport, A. G. (2015, October 4). TA 601. Triady [Triads]. *Tower and Maze*. Retrieved April 5, 2025, from <https://papardes.blogspot.com/2015/10/601.html>
- Rappaport, A. G. (2016, March 11). TA 749. Tri stolpa [Three Pillars]. *Tower and Maze*. Retrieved April 5, 2025, from https://papardes.blogspot.com/2016/03/748_11.html?q=aristocracy
- Rappaport, A. G. (2016, June 26). TA 749. Eshe odna triada [Another triad]. *Tower and Maze*. Retrieved April 5, 2025, from https://papardes.blogspot.com/2016/06/blog-post_26.html